

Глава 8

Когда матушка Вань открыла дверь, улыбка всё ещё не сходила с лица Лю Цишуана. Увидев его, она и сама улыбнулась.

— Дитя, что же ты так рано? — сказала она, маня его рукой, и Лю Цишуан поспешно подошёл.

Глядя на его послушный вид, матушка Вань подумала о своих непутёвых сыновьях. Пусть у Люгэра и были глаза разного размера, он всё равно был красив. Она мысленно похвалила себя за проницательность.

Она ласково потрепала Лю Цишуана по волосам и снова улыбнулась.

Из всей семьи Вань Лю Цишуан больше всего любил матушку Вань. Он поспешно поздоровался:

— Тётушка Вань.

— Да, — бодро отозвалась она. У неё было много детей, но в основном сорванцы-мальчишки. Единственная дочь вышла замуж и уехала далеко, а обе невестки были обычными женщинами. Единственная внучка тоже была девочкой. Она очень любила маленьких гэров. — Дитя, присядь пока, а я пойду умоюсь.

Сказав это, она направилась в кухню, и Лю Цишуан поспешил за ней.

— Тётушка Вань, давайте я вам огонь разведу.

Утром и вечером всё ещё было прохладно, и для умывания нужна была горячая вода.

Он впервые был в кухне семьи Вань и с удивлением отметил, какая она чистая, светлая и просторная. Семья Вань была очень хозяйственной, у них везде был порядок. Это было хорошо.

Матушка Вань, видя его усердие, не стала отказываться, хотя и не собиралась его утруждать. Пусть посидит, поговорит с ней.

Под очагом лежали вязанки соломы, которые нужно было просто засунуть в топку. Наливая воду в котёл, матушка Вань смотрела на чистенького, аккуратного гэра и с сожалением думала: «Не зря этому ребёнку дали имя старого сюая. Он работает на улице и в дождь, и в зной, а кожа у него совсем не потемнела, осталась такой же белой. Жаль, что семья Лю о нём не заботится, одевают и кормят кое-как, вот он и вырос таким худеньким».

Матушка Вань вздохнула. Она понимала, что в жизни не бывает всё гладко, у каждого своя доля. Другие завидовали ей, что у неё три сына, а она завидовала тем, у кого были ласковые гэры и дочери, с которыми можно было поговорить по душам. Если бы Лю-гээр был её ребёнком, она бы откормила его, одела в лучшие наряды.

Двор у семьи Вань был большой, а народу мало, всего восемь человек. К тому же второй сын, Вань Югу, со своей семьёй уже отделился, так что в доме стало ещё тише.

Внуков у них было мало. Единственной внучке, Вань Сяохуа, уже исполнилось десять лет, она была девочкой послушной, так что в доме стояла тишина, даже детского смеха не было слышно.

Пока Лю Цишуан разводил огонь, открылась дверь дома второго сына. Супруги с мотыгами на плечах вышли из дома. Наверное, пошли поправлять межи на полях. Через месяц с небольшим нужно будет высаживать рассаду риса, и межи должны быть в порядке, чтобы не обвалились и не создали проблем ни себе, ни соседям.

Тем временем в главном доме проснулись старший сын Вань Юнъань с женой и отец Вань Чанлинь.

Старшая невестка, Линь Цююэ, сразу же пошла в кухню. Её разбудил Вань Дунъян, так что она знала, что Лю Цишуан уже пришёл. Увидев его у очага, она не удивилась, лишь слегка улыбнулась в знак приветствия.

Старший брат, Вань Юнъань, тоже взял мотыгу и ушёл. А отец Вань не пошёл работать. Он сидел на ступеньках и сворачивал самокрутку. У Вань Чанлиня была привычка курить самосад. Он даже выделил под табак небольшой участок земли. Этот табак, как говорили, снимал усталость. В их уезде его курили многие, и листья можно было продать в городе.

Через несколько мгновений облака на горизонте посветлели, и землю озарил солнечный свет. Семья Вань умылась и принялась за свои дела.

Отец Вань пошёл за дом, чтобы почистить голубятню и покормить голубей. Старшая невестка, Линь Цююэ, готовила на кухне завтрак для всей семьи. Матушка Вань сидела под навесом у ворот и занималась рукоделием. Лю Цишуан с тревогой на лице сидел рядом и помогал ей разбирать хлопковые нити.

— Тётушка Вань, может, есть ещё какая-нибудь работа? — Лю Цишуан хотел было подмести двор, но тот был идеально чистым, видимо, его убрали вчера. В семье Вань не было маленьких детей, так что во дворе никто не играл, и после уборки он оставался чистым несколько дней.

Лю Цишуан пришёл в дом семьи Вань, готовый к тяжёлой работе, и не ожидал, что ему поручат такое лёгкое дело, как разбирать нити. Да разве это работа? Это всё равно что сидеть без дела.

Матушка Вань, видя его беспокойство, подумала, что если не дать ребёнку какое-нибудь дело, он будет чувствовать себя ещё более неловко. Она принесла каменную ступку, насыпала в неё меру кукурузы и пшеницы и велела ему растолочь их для голубей.

Пест был тяжёлым, и работа была не из лёгких. Лю Цишуан обрадовался. С его лица исчезла тревога, и он, послушно усевшись рядом с матушкой Вань, принялся толочь зерно.

Когда появилась Вань Сяохуа, она всё ещё протирала глаза. Матушка Вань тут же с улыбкой сказала:

— Солнце уже пятки печёт.

— Бабушка, сегодня нет солнца, — Вань Сяохуа в этом году исполнилось десять лет. Она была единственной внучкой в семье, и все её баловали.

Матушка Вань отложила шитьё. Вань Сяохуа уже принесла маленький стульчик и послушно уселась перед бабушкой, чтобы та заплела ей косы.

Лю Цишуан сидел рядом с ними. Он невольно засмотрелся на красивую ленту в руках Вань Сяохуа.

Он никогда даже не прикасался к таким красивым красным шёлковым лентам. Его ленты были сделаны из обычных тряпочек. Когда же он сможет носить такие красивые ленты?

Посмотрев на ленту, Лю Цишуан перевёл взгляд на саму Вань Сяохуа. На ней сегодня была светло-розовая стёганая куртка. Нежный, яркий цвет, красивый, как цветок бегонии после дождя. Он никогда не сможет носить такую одежду, но хотя бы посмотреть на неё.

Взгляд его скользнул с одежды на обувь. Увидев вышитые туфельки Вань Сяохуа, Лю Цишуан невольно поджал пальцы и отвёл глаза.

Сегодня утром он впотьмах и в спешке надел не ту обувь.

На одежду можно было не обращать внимания, на ней было всего несколько заплаток, в деревне многие так ходили. Но обувь... из правой туфли выглядывал большой палец.

Зря он надел матерчатые туфли. Их сшили два года назад, а за это время он вырос, и прошлогодняя одежда и обувь стали ему малы.

Надо было надеть соломенные сандалии. Дедушка плёл такие, что они полностью закрывали ногу. К тому же подошва была сделана из сердцевины белой травы, так что ходить в них было так же удобно, как в матерчатых туфлях, и они не натирали. А ещё их можно было продать.

Он и сам умел плести такие сандалии, но не так хорошо, как дедушка. Его поделки нельзя было продать. Но он был ещё молод, если потренируется, то обязательно научится.

При мысли о ремесле, которое могло принести деньги, Лю Цишуан улыбнулся и с новой силой принялся за работу.

Когда Вань Дунъян добрался до «Башни Ста Вкусов», было ещё не совсем светло, но всё же немного позже обычного. Он подошёл к задней двери, чтобы сдать товар, и тут же нарвался на недовольство.

— Что так поздно? Если мы не успеем приготовить к обеду, твои голуби и гроша ломаного не будут стоить, — управляющий был явно не в духе. Он принялся перебирать голубей в клетке, будто собирался от нескольких отказаться.

Вань Дунъян знал, что голубей он не вернёт. В их ресторане недавно ввели несколько новых блюд, для которых требовалось голубиное мясо. Если он вернёт его голубей, где он найдёт замену? Управляющий просто набивал себе цену.

Управляющий продолжал тыкать пальцем в голубей, у которых от драки были потрепаны перья, но Вань Дунъян не хотел тратить время на препирательства. Он с улыбкой сказал:

— Ох, господин управляющий, вы не поверите! Когда я шёл по переулку Шаоэр, меня остановил какой-то старик, сказал, что он из «Башни Послевкусия». Он так долго меня задерживал, что я едва от него отвязался, иначе давно бы уже был здесь.

На лице Вань Дунъяна всё ещё играло раздражение. Управляющий замолчал. На его лице промелькнуло удивление, но он был человеком опытным и тут же взял себя в руки. Недовольство и придирки как рукой сняло. Он улыбнулся и велел слуге принести ещё пятьдесят монет.

Голуби у семьи Вань были откормленными. На рынке голубь весом около цзиня стоил сто монет. В ресторан их сдавали по восемьдесят пять, но зато это была быстрая и удобная сделка, так что о пятнадцати монетах можно было не жалеть.

Вань Дунъян не стал пересчитывать деньги. Он с улыбкой взял их, сказал управляющему несколько приятных слов, поблагодарил и ушёл.

Но как только он повернулся, улыбка исчезла с его лица.

Его слова не были полной выдумкой. Люди из «Башни Послевкусия» действительно обращались к нему, только не сегодня.

Он не хотел ввязываться в споры и позволять им придирается, поэтому и упомянул о недавнем случае.

Когда к нему обратились из «Башни Послевкусия», он не стал всерьёз рассматривать их предложение. Ведь в бизнесе лучше иметь дело с проверенными партнёрами. Но теперь он засомневался.

Этот управляющий был слишком мелочным и жадным. Всего лишь небольшое опоздание, которое никак не повлияло бы на обеденное меню, а он уже начал придирается. Это было отвратительно.

К тому же, недавно один из слуг намекнул ему, что они собираются сбить цену до восьмидесяти одной монеты за голубя. Раньше он не верил, но теперь убедился. Сегодняшние придирки управляющего были явной попыткой сбить цену.

Выращивание голубей — дело не бесплатное. Их нужно хорошо кормить, ухаживать за ними, чистить голубятню. Двадцать монет разницы с рыночной ценой — это слишком. Неужели они держат его за дурака?!

Вань Дунъян не был из тех, кто позволяет себя обманывать. Он тут же дал понять, что на его голубей есть и другие покупатели. Управляющий был человеком умным и сразу понял намёк, поэтому и добавил ему пятьдесят монет.

— Ха, всего лишь пятьдесят монет. Меня этим не купишь.

Вань Дунъян уже всё подсчитал. Их городок хоть и назывался городком, но был большим. Улицы и переулки, множество лавок, большое население. Город делился на западную и восточную части, и в каждой жило не меньше нескольких тысяч семей. Все они каждый день покупали еду. Голубей в городке разводили немногие, так что его товар всегда был в цене.

Нужно будет как-нибудь зайти в «Башню Послевкусия». Всегда должен быть запасной вариант, нельзя позволять себя контролировать.

Если управляющий и дальше будет придирается, можно и прекратить сотрудничество.

Вань Дунъян с детства жил в деревне Ваньцзяба, недалеко от города. С десяти лет он сам собирал в горах дикоросы и продавал их на рынке. Он знал все улицы и переулки города как свои пять пальцев. Срезав путь через несколько тихих переулков, он быстро добрался из западной части города в восточную и зашёл в бакалейную лавку.

Из полученных денег Вань Дунъян отсчитал сто монет. Когда он вышел из лавки, денег у него не было, зато в руках был пакет с мягкими конфетами и две цзиня фруктового вина.

Дома у них была кукурузная патока, которую они варили на Новый год. Но их маленькая девочка была очень привередливой. Патоку, которую так любили деревенские дети, она не ела, а всё время просила конфет из городской лавки.

Сегодня он получил на пятьдесят монет больше, так что можно было купить ей пакет конфет, о которых она так долго говорила. К тому же, тот ребёнок тоже был дома, ему тоже достанется несколько штук.

Когда Вань Дунъян с покупками вернулся домой, час Сы ещё не наступил. Его старший брат ещё не вернулся с работы, так что обед ещё не был готов.

Едва войдя во двор, он громко крикнул. Домашние услышали его, но никто не отозвался. Лишь Лю Цишуан, сидевший на ступеньках, взглянул на него и подумал, что голос у него такой же большой, как и он сам.

Когда Вань Дунъян подошёл к дому, Лю Цишуан, всё это время толочший кукурузу, как раз пошевелил правым плечом. Это движение не ускользнуло от взгляда Вань Дунъяна.

Его хорошее настроение как рукой сняло. С мрачным лицом он снова громко крикнул:

— Мама!

<http://bllate.org/book/13415/1194067>